

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. К. Б. Уразаева

г. Астана, Казахстан

© 2019 г. О. В. Ломакина

г. Москва, Россия

© 2019 г. И. В. Моклецова

г. Москва, Россия

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ГЕРОЯ А. П. ЧЕХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ)

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5–100»

Аннотация: Взгляд на концепт как мировоззренческую категорию, когнитивную матрицу и жанровый фактор позволяет определить место авторского концепта в системе рецептивных ожиданий, дихотомии *комического/драматического*, способствует анализу чеховского нарративного дискурса, выработке классификации произведений на основе сюжетообразующего мотива. Отсюда дефинирование таких понятий, как информационное и интерпретационное поля концепта. Концепт *чин* анализируется с позиций фразеологизмов-приветствий, фамильярной атмосферы. Информационное поле концепта исследуется в аспекте прозвищ, психологии жеста. Поле интерпретации рассматривается в контексте зрелищной символики, звуко-символизма, культурологической аллюзии. Своеобразие поля интерпретации заключается в мениппейной природе рассказов, провокативных рецептивных ожиданиях, очерчивающих границу между фамильярным и профанным. Мировоззренческая сущность концепта *чин* реализована в пародийной и аксиологической коннотациях. Когнитологическая сущность концепта *чин* заключается в связи чувственного образа, информационного содержания, поля интерпретации. *Маска* рассмотрена как один из дериватов концепта *чин*. Информационное поле анализируется в аспекте когнитивной стратегии героя, разговорно-просторечной фразеологии, формульной поэтики смеховой культуры, десигнаторов. Специфика информационного и интерпретационного полей концепта показана с позиций авторских ремарок и их функции карикатурной атрибутики, зрелищной и звуковой символики, звукоподражания, карнавализации, оксюморона. Результаты проведенного анализа позволили установить единство жанра рассказа Чехова как аллегории маскарадного свойства, как анекдота и драмы самоуничтожения.

Ключевые слова: рассказы Чехова 1880-х гг., концепт, концептуальный анализ, рецептивное ожидание, жанровая трансформация.

Информация об авторах:

Куралай Бибиталыевна Уразаева — доктор филологических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Сатпаева ул., д. 2, 010008 г. Астана, Казахстан. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Ольга Валентиновна Ломакина — доктор филологических наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Иловайская, д. 9, 109651 г. Москва, Россия; Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Ирина Васильевна Моклецова — доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: irvasmok@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.02.2019

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Уразаева К. Б., Ломакина О. В., Моклецова И. В. Способы формирования концептуальной стратегии героя А. П. Чехова (на материале рассказов) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 156–168.

Системность научного описания текста характеризует изучение концепта. Так, с появлением словаря «Константы» Ю. С. Степанова представление концептов расширилось за счет культурологической составляющей и привлечения исторических данных, что обусловило выход за границы лексикографического подхода [7, с. 133]. Таков и современный опыт концептологического изучения связи личностного опыта и характера культуры [16].

Изучение концепта в поэтике А. П. Чехова, его роли для интерпретации художественного текста позволяют выделить актуальные для концептуального анализа рассказа результаты. Это дифференцирование индивидуально-авторского концепта и смысловой конфигурации концептосферы [19, с. 7]. Данное направление оказало влияние на представление о концепте как мировоззренческой категории.

Концептосфера А. П. Чехова позволила дефинировать общечеловеческие, национальные, авторские концепты [12]. Корреляция концепта с литературным произведением: концепт – идея, концепт – авторский замысел, концепт – образ, концепт – художественный прием, концепт – языковой элемент» [15, с. 22] — способствует обоснованию концепта как жанрового фактора и позволяет осуществить жанровую классификацию рассказов Чехова на основе концептуального анализа.

Структурный подход к системе «взаимосвязанных когнитивных контекстов (доменов) или областей концептуализации объекта» и понятие когнитивной матрицы представляет интерес с точки зрения базовых компонентов концепта — чувственного образа, информационного содержания и интерпретационного поля [20, с. 15]. Такое представление является основой авторских концептов в поэтике Чехова и анализа его концептосферы. Опыт изучения репрезентантов концепта, фразеологии, в том числе авторской, и лексической структуры текста создает предпосылки для описания когнитивной матрицы рассказа Чехова.

Филологический подход к концептуальному анализу рассказа Чехова предполагает и обзор актуальных тенденций литературоведения. За последние годы защищены диссертации [10; 21], охватившие экзистенциальную природу художественной антропологии писателей XIX в., повествовательные стратегии, вопросы экзистенциального сознания и национальной концептосферы, структуру диалогичности и концептов православия.

Большой интерес вызывает творчество Чехова у иностранных ученых [1; 8; 13; 5], в том числе из Китая [22]. Чехов-прозаик традиционно входит в писательский ряд русских классиков, романтиков и символистов, а также рассматривается в сравнении с китайской литературой [30]. Рубежными явлениями чеховедения являются конференции, которые состоялись 08–09.11.2018 г. в г. Москве и 12–13.11.2018 г. в г. Саратове, в том числе ежегодные, которые проходят в г. Таганроге с 2009 г. (с 2018 г. — при грантовой поддержке РФФИ) [17].

Результатом текстологических и книговедческих изысканий стало издание, посвященное библиотеке А. П. Чехова из Таганрога, в которое частично вошли книги ялтинского собрания [14].

Труды по теории повествования касаются «точки зрения» и специфики повествования, безличного аукториального повествования, текста нарратора, категории событийности, типа нарратора, способов передачи чужой речи, «принципа неопределенности» [9]. Заслуживает внимания изучение «встроенных нарративов», вероятностной картины мира и повествования о неопределенном и возможном событии [4], исчерпанности императивной стратегии повествования героя-рассказчика [3], типов самопозиционирования [2].

Интересно сопоставить рассмотренные тенденции с лингвистическими подходами в исследовании структуры повествования и повторов в драме и малой прозе Чехова, фабульных и бесфабульных текстов [11]. Включение в теорию повествования структуры концепта способствует новому пониманию чеховского нарративного дискурса.

Нередко в качестве концепта может использоваться претекст — от аллюзии и цитаты до крылатого выражения или камерной (авторской) фразеологической единицы. Концептуальный анализ с опорой на прецедентную единицу обеспечивает филологическое изучение концепта и способствует созданию толковых и аспектных словарей языка А. П. Чехова [29], важность которых осознается современной наукой.

Цель настоящей статьи заключается в концептуальном анализе рассказа А. П. Чехова. Такой подход позволяет сформировать новые направления в изучении концепта как мировоззренческой категории, когнитивной матрицы и жанрового фактора. Представление о концепте как когнитивной матрице способствует систематизации фразеологических единиц и лексики для выработки риторической модели анализа. Неориторический подход расширяет литературоведческое представление о стиле Чехова. Структурное изучение концепта позволяет выявить его роль как мировоззренческой категории, авторский же концепт предстает как элемент концептосферы. Функция концепта как жанрового фактора позволяет выработать новые принципы классификации рассказов Чехова.

Применение дискурсивных техник анализа позволяет изучить систему авторского концепта в аспекте рецептивных ожиданий, которые по мере развертывания сюжета нарушают фабульное равновесие и становятся источниками *комического/драматического* и ведут к жанровой трансформации чеховского рассказа.

Традиционно жанровая классификация основывается на типологии мотива. Между тем сюжетобразующий мотив эволюционирует в концепт в значении социальной знаковости. Трактовка мотива как прецедентной единицы создает предпосылки для применения пушкинизма *Чин чина почитай* из «Станционного смотрителя» как структурообразующего фактора концепта *чин*, что позволяет объединить рассказы 1883 г. «Толстый и тонкий» и «Смерть чиновника». Концепт *маска* объединяет рассказы 1884 г. «Маска» и «Хамелеон». Выбор объектов изучения обусловлен названными

подходами к концепту, возможностью разработки концептуального анализа в филологическом ключе, создающего новые принципы жанровой классификации.

Концептуальная стратегия чина в рассказе «Толстый и тонкий» обуславливает ритуальную роль фразеологизмов-приветствий и фамильярной атмосферы в начале рассказа: «Сколько зим, сколько лет!» [27, т. 2, с. 250]. Интересно образование тонким окказиональных слов с суффиксом субъективной оценки: «Такой же *душонок*». Чувственный образ рассказа образуется фамильяризацией общения — фабулой встречи друзей детства. Риторическая доминанта стиля — восклицания «Голубчик мой! Батюшки! Милый мой! Ах ты, господи!» Информационное поле концепта поддерживает фабульно-сюжетное равновесие воспоминаниями о прозвищах, нивелирующих их обидный смысл. Объективация прозвища толстого (поступок) сочетается с субъективным принципом вторичной номинации тонкого (черты характера). Эта аллюзия откликнется потом в «китайском» хихиканье тонкого. Такой когнитологический аспект завязки становится социальной аллегорией на эпоху безвременья в России 1880-х гг.

Фамильяризация поддерживается и психологией сентиментального жеста, риторизирующей чувственный образ: «Прятели троекратно облобызались», «устремили друг на друга глаза, полные слез» [27, т. 2, с. 250]. Поле интерпретации формируется нарушением рецептивного ожидания. Импульсом становится любопытство тонкого (феномен «подглядыванья»). Фамильярный контакт уничтожается зрелищной символикой. Повтор деталей, синтаксический параллелизм, карикатурное отражение вещей и поведения, облика семьи тонкого и их метаморфоза: «Тонкий вдруг *побледнел, окаменел*, но скоро лицо его *искривилось* во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его *посыпались искры*. Сам он *съежился, сгорбился, сузился*... Его чемоданы, узлы и картонки *съежились, поморщились*... Длинный подбородок жены стал еще *длиннее*; Нафанаил *вытянулся во фрунт* и *застегнул все пуговицы своего мундира*...» [27, т. 2, с. 251] — атрибутируют психологию чиновничества и подчеркивают сюжетобразующий характер мотива чина.

Трансформация мотива в концепт достигается вербализацией — при помощи фразеологизмов *посыпались искры* и *вытянулся во фрунт* — знаков социальной иерархии и дистанции. Первоначальная аллюзия на сословное происхождение жены тонкого из-за обретения каждый раз новой семантики и интонационной коннотации создает ритуализованный, психологически исчерпывающий жест интерпретационного поля.

Использование в повествовании официально-делового этикета, смена фамильярного обращения к другу шаблоном разграничения и социальной границей отчуждения: «ваше превосходительство», добавление почтительного –с: *Очень приятно-с!*, использование формы множественного числа: *вдруг вышли в такие вельможи-с!*, звукоподражание: *хи-хи-с* — полностью трансформируют рецептивное ожидание читателя созданием новой ипостаси интерпретационного поля — рассказа о встрече друзей. Сравнение смеха Порфирия с китайцем может быть интерпретировано как культурологическая аллюзия на марионетку (персонаж китайского театра) и становится способом авторской семиотизации чина.

Возникновение новой стороны интерпретационного поля в детали «прищурился» перекликается с социальной знаковостью прищура как жеста женского кокетства в рассказе «Анна на шее». Связь чувственного образа, социальной знаковости и поля интерпретации можно отметить во фрагментах: «<...> она *кокетливо прищурила* глаза и заговорила громко по-французски» [24, т. 9, с. 164] и: «Аня так же <...>, как мать, *умела щурить глаза* <...>» [24, т. 9, с. 168]. Пародирование светского этикета в образах

Анны и Нафанаила — знак владения правилами светского этикета, право на принадлежность к высшему кругу.

Когнитивная стратегия рассказчика в «Смерти чиновника» оперирует рядом способов повествования. Один из них связан с созданием интриги. Использование приёма сказочного зачина основано на двойном пародийном повторе: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор». Оксюморонным становится сочетание эпитета *прекрасный* и семантики слова *экзекутор*.

Коммуникативная стратегия рассказчика построена и на сегментировании пространства фамильяризации. В зачине фамильяризация создается комической оперой «Корневилльские колокола», первые акты которой погрузили героя в состояние блаженства.

Фамильяризация создается фразеологизмами: *на верху блаженства* (Ср.: *На верху блаженства* — «испытывать чувство глубокого, удовольствия, удовлетворения» [23, с. 27], *себя держат* — «вести себя каким-л. образом» [23, с. 65]). Признаки состояния и оценочная репутационная константа фиксируют точки рецептивного ожидания и желания героя восстановить нарушенное равновесие.

Стилистический слой зоны фамильярного контакта усиливается введением разговорной лексики. Употребление существительного с суффиксом субъективной оценки: «*Старичок* старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В *старичке* Червяков узнал статского генерала Брижжалова» [26, т. 2, с. 164] — создает иллюзию рецептивного ожидания досадного недоразумения. Но трансформация случая в анекдот стала возможной из-за восприятия старичка экзекутором. Включение разговорного стиля авторизует Червякова: «Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо». Формульная этикетность героя подчеркнута и телодвижением. Зона фамильярного контакта объясняет позу угодливости.

Неоднократное употребление стяженных этикетных формул *ваше-ство* (5), *милостисдарь* (1) чиновником Червяковым показывает волнение героя. Традиционно подобные формулы вкладывались в уста крестьян (например, в повести Л. Н. Толстого «Утро помещика» самым частотным обращением крестьян к Нехлюдову является стяженные формы *ваше сиясо* (8), *васясо* (18) [16, с. 211]).

Вступление автора в повествование: описание смущения Червякова, улыбки переходит от фиксации состояния к завязке новой коллизии: «Его начало *помучивать* беспокойство». Так очерчено поле информационного содержания.

Риторика канцелярского стиля коммуникации, органичная для экзекутора Червякова и генерала Брижжалова, невольного переключающегося в роль просителя, создает иронический конфликт двух правд. Здесь начинается поле интерпретации. «*Говорить не хочет!* — подумал Червяков, *бледнея*. — Сердится, значит... Нет, *этого нельзя так оставить...* Я ему *объясню...*» — выводы героя укрепляют его в решимости довести дело до конца. И его решительность, и страх перед сановным лицом завершаются оценкой недоразумения как *раскаяния*. Новое поле интерпретации — трансформация случая в аксиологическое поле — сопровождается авторским наблюдением за лицемерием героя. Считая генерала фанфароном, глупым (*Генерал, а не может понять!*), Червяков упорно желает добиться снисхождения и прощения.

Интерпретационное поле рассказа осложняется серьезно-смеховым содержанием страха героя, что актуализирует теорию мениппеи, когда двумя полюсами «односторонней и глупой серьезности» являются смех и страх [6, с. 56]. Риторика само-

оправдания Червякова, уличенного генералом в издевательстве, изобличает в нем «послушника» принятой системы социальной иерархии: «...а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...» [26, т. 2, с. 165].

Поле интерпретации в рассказе «Смерть чиновника» организовано как цепь провокативных рецептивных ожиданий, разрушающих фамильяризацию как признак покоя. Нарушение равновесия в системе представлений эзекутора Червякова, привыкшего к исполнению предписаний по роду работы и переносящего стиль регламентированных отношений в область свободных от установлений частных отношений, проводит в рассказе Чехова границу между фамильярным и профанным (бытовым), случаем (когда не-событие становится событием в силу предубеждений героя) и анекдотом, случаем в его двоякой событийности: анекдот преувеличения и драма самоуничижения.

Фамильяризация нарушается сформированным рецептивным ожиданием. Ремарка: «Но вдруг... <...>» — содержит указание на ничтожность досадной мелочи, случая и далее усиливает это значение ничтожности. Если для автора ремарка развивает историю случая, не-события, досадного недоразумения, развернутого в анекдот, то за этим внешним конфликтом кроется внутренний, раскрывающий драму Червякова — событие непонимания генералом Бризжаловым его «раскаяния» (именно в этой категории расценивает Червяков недоразумение).

Ирония автора с применением междометия *ачхи*, эмотивная значимость которого подчеркнута тройным восклицательным знаком, предвосхищает грядущее событие, создавая фон рецептивного ожидания. Фамильяризация создается авторской ремаркой: «Чихнул, как видите. <...>. Все чихают» — и чувственным образом физиологической детали. Но в иронии обобщения пустяка и его всеобщности, регулируемой гиперболой, кроется исток будущей гипертрофии случая Червяковым. Пародирование официально-стиля: «Чихать никому и нигде не возбраняется» — становится характеризующим героя знаком, для которого единственно понятным является язык установлений.

Знаки предсмертного состояния: «глаза подкатились, дыхание остановилось» — отзвучат в финале рассказа смертью Червякова и гиперболизируют в таком контексте номинацию героя. Аллюзия на библейское уподобление человека червю земному внесет завершающий аккорд в превращение случая в анекдот и драму уничижения.

Синтез чувственного образа и интерпретации в физиологически акцентированном состоянии героя: шепот Червякова, его онемение, ощущения, ослепление и оглушение, несоизмеримость обрушившегося на него страха и горя — делают рефлекторными его движения. Механические движения маленького чиновника: *попылся* к двери, *поплелся*, *машинально* — становятся проявлениями социальной знаковости. Привычный жест (*не снимая вицмундира*) нарушает фабульно-сюжетное равновесие: фабула страха преодолена сюжетом смерти при исполнении. Концепт *чин* стал определяющим для интерпретации смерти как случая и смерти в риторико-назидательном контексте: авторское *помер* как фиксация естественного конца.

Итак, мировоззренческая функция концепта *чин* реализована не столько в пародировании подобострастия, сколько в аксиологизации серьезного через смеховое. Так, концептосфера Чехова обнаруживает тяготение к экзистенциальной проблематике. Концепт *чин* позволяет охарактеризовать когнитивную матрицу рассказа в аспекте чувственного образа (при помощи фразеологизмов и иронического, пародийного столкновения официально-делового и просторечного стилей), информационного содержания (в пределах фабульной схемы, фамильяризации события), поля интерпрета-

ции (нарушение фабульно-сюжетного равновесия созданием подтекста историческими, культурными, психологическими аллюзиями). Структурные элементы концепта создают аксиологическую природу рассказа Чехова как морально-этического эксперимента. Мироззренческая и когнитивная функции концепта определяют его роль жанрового фактора. Рассмотренные рассказы в жанровом отношении можно определить как социально-психологическую аллегорическую.

Маска — как концепт и способ информационного содержания — становится приемом комического в одноименном рассказе Чехова. Пародирование мнимого детективной линии вскрывает социальную пародийную знаковую маску как одной из модификаций концепта *чин*.

Создание загадки, выявившей трусость, лицемерие и чиновничество как социальную знаковую обществу, осуществляется несколькими коммуникативными стратегиями. Интерпретационное поле маски создают кучерский костюм Пятигорова, шляпа с павлиньими перьями, собственно маска. Маскарадный костюм формирует концептуальную стратегию героя.

Проявлением концептуальной стратегии героя становится и когнитивная стратегия — речевое поведение Пятигорова, образующее информационное поле: герой имеет репутацию дебошира, скандалиста, мецената в области просвещения. Его владение просторечием и имитация мужицкого речевого портрета, применение разговорной, вульгарной и бранной лексики и фразеологией: *Валяйте сюда! Сюда, ребята! Становь сюда! Нешто стол качается или потолок обвалиться может? Чудно! Будет тебе кочевряжиться! Фу-ты, ну-ты, испугался! разговаривать с вами мне не охотно* и др. — создает смеховое поле профанного пространства.

Употребление разговорно-просторечной фразеологии: *поджилки трясутся* [23, с. 202]; *шутки в сторону* («употребляется как предупреждение к серьезному разговору» [23, с. 330]; *красный как рак* («о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т. п. прилила к лицу кровь» [23, с. 237]; проваливай *подобру-поздорову!* («по своей воле, пока не заставили силой, пока не случилось чего-л. плохого» [23, с. 203] — излюбленный прием создания комического у Чехова. Формульная поэтика смеховой культуры комбинирует информационное и интерпретационное поля концепта.

Концептуальная роль маски состоит в сатирической формулировке правды, невозможной в иных обстоятельствах: «Ты думаешь, как я в маске, так ты можешь мне разные слова говорить?» [25, т. 3, с. 85]. Пародийное столкновение ложного и подлинного, правды как исключения и лжи как нормы тем примечательнее, что исходит от одного из власть предержащих.

Когнитивное поле рассказа формируется речемыслительными ресурсами, выполняющими роль десигнатора. Это своего рода оговорки героя, избличение истинного лица ряженого. Однако самодовольство «мыслящих» в читальне интеллигентов, их убеждение в превосходстве и избранности (*поглядев на маску через очки*. — Здесь читальня, а не буфет) делает их нечувствительными к двум репликам — французскому «*Же ву при а ля тримонтран!*» и упоминанию господина Белебухина.

Одновременно информационным и интерпретационным полями концепта являются авторские ремарки. Во-первых, это карикатурная атрибутика, усиливающая концептуальную роль детали, перекликающейся со зрелищной и звуковой символикой. Так, полицейский в «Маске», пытающийся внушить страх, «выпучивая свои страшные глаза и шевеля нафабранными усами», символизирует ложный, карикатурный и маскарадный страх. Вместе с тем подлинный страх вызывает ассоциации с рассказом «Смерть

чиновника»: интеллигенты в «Маске» *побледнели* (как Червяков). Они выглядят, словно сделали «нечаянно большую глупость» (сравним с *глупым* лицом Червякова).

Интересна номинация полицейского как символа власти, устрашения и восстановления социального равновесия. Акцентирование фамильярного именованья: *Евстрат Спиридоныч* и деталь: *старик* в полицейском мундире — способ продолжить заданный маской опереточный комический стиль.

Интересен пример звукоподражания, приобретающего в рассказе звукоименистый характер. Если тонкий в рассказе «Толстый и тонкий» хихикает, как китаец, то ха-ха в «Маске» «интеллигентов», имитирующих веселье от удачной шутки Пятигорова, расширяет диапазон звукоподражания в смеховой поэтике Чехова путем карнавализации концепта *маска* как основного носителя смеховой поэтики. Интерпретационное поле концепта создается и структурой оксюморона. Оценка Пятигорова синхронизирована с мнением о нем полицейского: «*Негодяй, подлый человек, но ведь — благодетель!*».

«Бытовизация карнавальных форм» (М. М. Бахтин) выявляет множественность проявлений маски, ее дериваты в рассказе «Хамелеон» [28, т. 3, с. 52–55]. Если когнитивное ядро рассказа конструируется столкновением канцелярского стиля как зоны свободного речеповедения и когнитивной свободы Очумелова, то информационное поле очерчено пространством сонной базарной площади, складских помещений. Иллюзия покоя и рецептивное ожидание бытовой зарисовки нарушается незамысловатым случаем — золотых дел мастер Хрюкин укушен собакой. Его восклицание: «Нынче не велено кусаться!» — становится своего рода «информационным поводом» к формированию рецептивного ожидания. Смена масок Очумеловым в сочетании с номинацией как системой пережитых им состояний формирует интерпретационное поле концепта.

Система чувственных образов создается в смеховых приемах и акцентированием физиологического жеста и детали: это палец Хрюкина, дрожащий хвост собаки, наполненное доверху решето с конфискованным крыжовником и семиотизация шинели.

В информационном поле голосов с версиями о хозяине собаке, определяющими коммуникативные стратегии Очумелова, символично молчание Елдырина. Если реплики хора условно анонимны, поскольку спектрально симметричны когнитивному поведению Очумелова, то молчание Елдырина аллюзивно как отражение страха. И тогда хамелеон — это не олицетворение одного Очумелова, а символ общества и дериват концепта *маска*. Брань и хвала Очумелова, смена стилеповедения по отношению к Хрюкину и собаке также выходят за границы чувственного образа и информационного поля. Меняющая адресатов, объекты хулы и подобострастия, речь Очумелова создает коммуникативную стратегию героя, объективацию полицейского режима. Парность персонажных рядов: Очумелов и Хрюкин, Очумелов и толпа, Очумелов и собака, Очумелов и Елдырин, Очумелов и Прохор, Очумелов и генерал Жигалов, Очумелов и брат генерала Жигалова — контаминируют дериваты маски.

Итак, мировоззренческая функция концепта *маска* как модификации концепта *чин* и ее дериваты характеризует риторическую стратегию повествователя в зоне смеховой культуры. Когнитивная матрица концепта активизирует в лексико-фразеологической системе рассказа образы смеховой культуры, от приемов номинации субъекта до коммуникативных стратегий персонажей, их идиостиля.

Исторические, культурные, психологические аллюзии формируют социальную и аксиологическую природу рассказа Чехова как морально-этического эксперимента. В жанровом отношении эти рассказы можно охарактеризовать как аллереорию маскарального свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аббасхилми А. Я.* Творчество А. П. Чехова в Ираке: восприятие и оценка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 17 с.
- 2 *Агратаин А. Е.* Идентичность героя в прозе А. П. Чехова 1880–1887 гг. // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 126–137.
- 3 *Агратаин А. Е.* Императивная стратегия героя-рассказчика в прозе А. П. Чехова (на примере произведений «Огни» и «Рассказ старшего садовника») // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 117–125.
- 4 *Агратаин А. Е.* Повествовательные стратегии в прозе А. П. Чехова 1888–1894 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 22 с.
- 5 *Али Наджа Хасан Али.* Оценочные номинации персонажа в художественной прозе А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 168 с.
- 6 *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- 7 *Безкоровайная Г. Т.* Способы включения национально-специфических концептов в процесс обучения иностранному языку // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Сб. ст. по мат. межвузов. студ. научн.-практич. конф. / отв. ред. Н. В. Бутылов. Саранск: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 132–135.
- 8 *Ван Сяохуань.* Языковые средства выражения чувственного восприятия и их роль в семантической организации художественного текста: на материале рассказов А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 23 с.
- 9 *Грицай Н. А.* «Точки зрения» в эпике А. П. Чехова: специфика поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 22 с.
- 10 *Зайцева Т. Б.* Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект: Чехов и Киркегор: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 42 с.
- 11 *Кожевникова Н. А.* Стиль Чехова. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2011. 487 с.
- 12 *Концептосфера А. П. Чехова:* сб. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 384 с.
- 13 *Липке Ш.* Антропология художественной прозы А. П. Чехова: неизреченность человека и архитектоника произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 23 с.
- 14 *Личная библиотека А. П. Чехова: Избранное / из фондовых собр. Таганрог, музея-заповедника и Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. Таганрог: Тип. Веда, 2017. 156 с.*
- 15 *Ломакина О. В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018. 344 с.
- 16 *Ломакина О. В.* Фразеология народных драм Л. Н. Толстого: состав и особенности употребления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. 30 с.
- 17 *Молодежные Чеховские чтения в Таганроге:* материалы IX Международ. науч. конф. / отв. ред. В. В. Кондратьева. Таганрог: Танаис, 2017. 194 с.
- 18 *Мурзина И. Я.* Концепт «Отечество в патриотическом дискурсе» // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 39–50.
- 19 *Огнева Е. А.* Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2010. 42 с.
- 20 *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.

- 21 *Пырков И. В.* Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2018. 48 с.
- 22 *У Луцянь.* Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
- 23 Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М.: Русский язык, 2003. 336 с.
- 24 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1977–1977. Т. 2: Рассказы. Юморески, 1883–1884. С. 164–166; 250–251. Т. 3: Рассказы. Юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. С. 52–55, 84–89. Т. 9: Рассказы. Повести: 1894–1897. С. 161–173.
- 25 *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
- 26 *Ши Жоу.* Традиции русской классической литературы в осмыслении китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 29 с.

© 2019. Kuralay B. Urazayeva

Astana, Kazakhstan

© 2019. Olga V. Lomakina

Moscow, Russia

© 2019. Irina V. Mokletsova

Moscow, Russia

METHODS OF CHEKHOV'S CHARACTER CONCEPTUAL STRATEGY GENERATION (BASED ON SHORT STORIES)

Acknowledgements: The publication was prepared with support of the “5–100” program.

Abstract: The paper examines the concept as a worldview category, a cognitive matrix and a genre factor which allows determining the place of the author's concept in the system of receptive expectations, the comic/dramatic dichotomy, and contributes to the analysis of Chekhov's narrative discourse, developing classification of works based on the subject motif. Hence the definition of such notions as information and interpretation fields of the concept. Concept rank is analyzed from the standpoint of greeting idioms and familiar atmosphere. Information field of the concept is explored in terms of nicknames, psychology of gesture. Field of interpretation is explored in the context of spectacular symbolism, sound symbolism, cultural allegiance. As the paper reveals the peculiarity of the field of interpretation lies in the menippea nature of the stories, provocative receptive expectations, outlining the boundary between familiar and profane. Ideological essence of the concept rank is implemented in parody and axiological connotations. Cognitive nature of the concept of rank lies in the connection of the sensory image, information content, field of interpretation. The authors consider

the mask as one of the derivatives of the concept rank. Informational field is analyzed in terms of the hero's cognitive strategy, everyday speech phraseology, culture of laughter's formulaic poetics, designators. The paper shows specifics of the information and interpretation fields of the concept from the standpoint of author's remarks and their functions of caricature attributes, spectacle and sound symbolism, onomatopoeia, carnivalization, and oxymoron. The results of the analysis allowed us to establish the unity of the genre of Chekhov's story as an allegory of fancy, an anecdote and a drama of self-deprecation.

Keywords: stories by A. Chekhov written in the 1980s, concept, conceptual analysis, receptive expectation, genre transformation.

Information about the authors:

Kuralay B. Urazayeva — DSc in Philology, Associate Professor, Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev St. 2, 010008 Astana, Kazakhstan. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Olga V. Lomakina — DSc in Philology, Professor, St. Tikhon's Orthodox University, Ilovayskaya St. 9, 109651 Moscow, Russia; Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St. 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Irina V. Mokletsova — DSc in Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory 1, 119991 Moscow, Russia. E-mail: irvasmok@mail.ru

Received: February 02, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Urazayeva K. B., Lomakina O. V., Mokletsova I. V. Methods of Chekhov's character conceptual strategy generation (based on short stories). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 156–168. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Abbaskhilmi A. Ia. *Tvorchestvo A. P. Chekhova v Irake: vospriiatie i otsenka* [A. P. Chekhov's writing in Iraq: perception and evaluation: PhD thesis, summary]. Volgograd, 2015. 17 p. (In Russian)
- 2 Agratin A. E. Identichnost' geroia v proze A. P. Chekhova 1880–1887 gg. Protagonist's identity in Chekhov's prose 1880–1887]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 45, pp. 126–137. (In Russian)
- 3 Agratin A. E. Imperativnaia strategiiia geroia-rasskazchika v proze A. P. Chekhova (na primere proizvedenii "Ogni" i "Rasskaz starshego sadovnika") [Imperative strategy of the narrator in the prose of A. P. Chekhov (as exemplified in works "Fires" and "The Story of the senior gardener")]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, no 1 (39), pp. 117–125. (In Russian)
- 4 Agratin A. E. *Povestvovatel'nye strategii v proze A. P. Chekhova 1888–1894 gg.* [Narrative strategy in the prose of A. P. Chekhov of 1888–1894: PhD thesis, summary]. Moscow, 2016. 22 p. (In Russian)
- 5 Ali Nadzha Khasan Ali. *Otsenochnye nominatsii personazha v khudozhestvennoi proze A. P. Chekhova* [Evaluative nomination of character in the prose of A. P. Chekhov: PhD thesis]. Voronezh, 2018. 168 p. (In Russian)
- 6 Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. 543 p. (In Russian)

- 7 Bezkorovainaia G. T. Sposoby vklucheniia natsional'no-spetsificheskikh kontseptov v protsess obucheniia inostrannomu iazyku [Methods of introducing national-specific concepts into the process of learning a foreign language]. *Aktual'nye problemy obshchei teorii iazyka, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov. Sbornik statei po materialam mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual issues of the General theory of language, translation, intercultural communication and methods of teaching foreign languages. Proceedings of interuniversity student scientific-practical conference], responsible edited by N. V. Butylov. Saransk, Izdatel'stvo REU im. G. V. Plekhanova Publ., 2018, pp. 132–135. (In Russian)
- 8 Van Siaokhuan'. *Iazykovye sredstva vyrazheniia chuvstvennogo vospriiatiia i ikh rol' v semanticheskoi organizatsii khudozhestvennogo teksta: na materiale rasskazov A. P. Chekhova* [Language means of expression of the sensory perception and their role in semantic organization of a literary text: based on stories by A. P. Chekhov: PhD thesis, summary]. Tomsk, 2015. 23 p. (In Russian)
- 9 Gritsai N. A. "Tochki zreniia" v epike A. P. Chekhova: spetsifika poetiki ["Points of view" in A. P. Chekhov's epic: specificity of poetics: PhD thesis, summary]. Tver', 2011. 22 p. (In Russian)
- 10 Zaitseva T. B. *Khudozhestvennaia antropologiia A. P. Chekhova: ekzistentsial'nyi aspekt: Chekhov i Kirkegor* [Art anthropology by A. P. Chekhov: existential aspect of Chekhov and Kierkegaard: PhD thesis, summary]. Ekaterinburg, 2015. 42 p. (In Russian)
- 11 Kozhevnikova N. A. *Stil' Chekhova* [Chekhov's Style]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik" Publ., 2011. 487 p. (In Russian)
- 12 *Kontseptosfera A. P. Chekhova: sbornik statei* [Conceptosphere of A. P. Chekhov: collection of articles]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo IuFU Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
- 13 Lipke Sh. *Antropologiia khudozhestvennoi prozy A. P. Chekhova: neizrechenost' cheloveka i arkhitektonika proizvedeniia* [Anthropology of the artistic prose of A. P. Chekhov: unspeakableness of man and architectonics of artwork: PhD thesis, summary]. Tomsk, 2017. 23 p. (In Russian)
- 14 *Lichnaia biblioteka A. P. Chekhova: Izbrannoe* [Personal library of A. P. Chekhov: selected works], iz fondovykh sobr. Taganrog, muzeia-zapovednika i Doma-muzeia A. P. Chekhova v Ialte [From collection fund. Taganrog, Museum-reserve and House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta]. Taganrog, Tipografiia Veda Publ., 2017. 156 p. (In Russian)
- 15 Lomakina O. V. *Frazeologiia v tekste: funktsionirovanie i idiosstil': monografiia* [Phraseology in a text: functioning and idiostyle: monograph], edited by V. M. Mokienko. Moscow, Izdatel'stvo RUDN Publ., 2018. 344 p. (In Russian)
- 16 Lomakina O. V. *Frazeologiia narodnykh dram L. N. Tolstogo: sostav i osobennosti upotrebleniia* [Phraseology of folk dramas by L. N. Tolstoy: composition and characteristics of use: PhD thesis, summary]. Belgorod, 2006. 30 p. (In Russian)
- 17 *Molodezhnye Chekhovskie chteniia v Taganroge: mat-ly IX materialy IX Mezhdunarododnoi nauchoi konferentsii* [Chekhov youth readings in Taganrog: proceedings of the IX international scientific conference], executive edited V. V. Kondrat'eva. Taganrog, Tanais Publ., 2017. 194 p. (In Russian)

- 18 Murzina I. Ia. Kontsept "Otechestvo v patrioticheskom diskurse" [The concept of "Homeland in a Patriotic discourse"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 46, pp. 39–50. (In Russian)
- 19 Ogneva E. A. *Kognitivno-sopostavitel'noe modelirovanie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta (na materiale perevoda russkoi prozy na frantsuzskii i angliiskii iazyki)* [Cognitive-comparative modeling of conceptsphere of a literary text (based on the translation of Russian prose into French and English): PhD thesis, summary]. Belgorod, 2010. 42 p. (In Russian)
- 20 Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007. 315 p. (In Russian)
- 21 Pyrkov I. V. *Ritm, prostranstvo i vremia v russkoi usadebnoi literature XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov* [Rhythm, space and time in the Russian estate literature of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov: PhD thesis, summary]. Saratov, 2018. 48 p. (In Russian)
- 22 U Lutsian'. *Semanticheskoe pole "tsvetok" v iazyke russkoi khudozhestvennoi prozy vtoroi poloviny XIX veka (na materiale proizvedenii I. A. Goncharova, I. S. Turgeneva, A. P. Chekhova)* [Semantic field "flower" in the language of Russian prose of the second half of the 19th century (based on the works of I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov): PhD thesis, summary]. Moscow, 2015. 24 p. (In Russian)
- 23 *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language], compiled by A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, L. A. Lomova. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2003. 336 p. (In Russian)
- 24 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 2: Rasskazy. Iumoreski, 1883–1884 [Tales. Humorous pieces, 1883–1884], pp. 164–166, 250–251; vol. 3: Rasskazy. Iumoreski. "Drama na okhote" [Tales. Humoresques. "Drama on the hunt", 1884–1885], pp. 52–55, 84–89; vol. 9: Rasskazy. Povesti: 1894–1897 [Tales. Novels: 1894–1897], pp. 161–173. (In Russian)
- 25 Shestakova L. L. *Russkaia avtorskaia leksikografiia: Teoriia, istoriia, sovremennost'* [Russian author's lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011. 464 p. (In Russian)
- 26 Shi Zhou. *Traditsii russkoi klassicheskoi literatury v osmyslenii kitaiskikh prozaikov (Chekhov i Lu Sin')* [Traditions of Russian classical literature in understanding Chinese prose writers (Chekhov and Lu Xun): PhD thesis, summary]. Moscow, 2016. 29 p. (In Russian)